

Благоприятный день для проведения великого торжества назначили на пятнадцатое число шестого месяца.

Уже к одиннадцатому да двенадцатому дню к горе начали стягиваться посланники от мелких орденов и кланов, спешащие преподнести свои скромные дары. К четырнадцатому же числу почтить усадьбу своим вниманием соизволили даже представители таких вековых столпов, как павильон Дяньцан и Гора Эмей, приславшие своих лучших учеников.

На рассвете пятнадцатого дня Фу Цинфэн и Юй Дайлань облачились в парадные одежды — парчовые халаты с расшитыми серебром рукавами и пояса, украшенные резным нефритом. С истинно благородным изяществом они спустились к подножию горы, чтобы приветствовать именитых гостей. Тем временем владыки восемнадцати пещер вызвались сопровождать прибывших в прогулках по живописным окрестностям Улина.

На Переправе Персикового источника яблоку негде было упасть от обилия бессмертных. Небо над рекой озарилось радужным сиянием, а прибывшие из мира смертных искусные повара лишь изумлённо разинули рты да мелко тряслись от страха и благоговения при виде столь дивного зрелища.

В то же самое время в Зале Выплывающих Облаков, перед полуприкрытой жемчужной занавесью, сидел взмыленный и совершенно замученный Цэнь Цихэ.

— Се Цюши! — зывал он в пустоту. — Коль скоро почтенный учитель самолично спустился в мир смертных и указал на тебя, я не смею более перечить. Но раз уж тебе суждено занять место главы нашей школы Улин, изволь оставить свои капризы и глупые выходки! Для начала хотя бы выучи наши базовые техники...

— Вести! — раздался за дверью встревоженный голос.

Двое слуг торопливо постучали и без обиняков выпалили:

— Глава пика Цэнь, глава Се! Прибыли настоятель Мяоинь из храма Кашьяпы и глава школы Тяньсюань, господин Хуан, со своими учениками!

Цэнь Цихэ опешил:

— Кто, говоришь?

Из-за жемчужной завесы донёсся ленивый, слегка удивлённый голос:

— Сяо Цэнь, а это ещё за птицы?

— Докладываю главе пика! — поспешно отозвался слуга. — Настоятель храма Кашьяпы и глава школы Тяньсюань пожаловали лично. Глава пика Фу велел передать, что главе Се лучше встретить их самому.

— С какой стати такие величины прибыли лично? — недоверчиво спросил Цэнь Цихэ.

— Говорят, желают лично взглянуть на нового преемника школы Улин, — неуверенно пробормотал мальчишка. — Уж не прознали ли они о чём и не задумали ли преподнести меч вместо даров?

— Ступай, — Цэнь Цихэ махнул рукой, выпроваживая слугу.

Глубоко вздохнув, он запер дверь и резко повернулся к занавеске:

— Слышал, Се Цюши? Ну и как твои успехи? Хоть что-то выучил?

— Ну чего ты раскудахтался, — раздался в ответ весёлый смешок.

Белоснежная изящная ладонь раздвинула нити жемчуга. Из-за ширмы, сияя улыбкой, неторопливо вышел Се Цюши. Он широко развёл руки в стороны, позволяя двоим слугам накинуть на плечи верхнее одеяние и расправить подол.

Главы школы Улин испокон веков предпочитали скромные, неброские одежды, выбирая для торжеств белое да серое. Однако Се Цюши готовился к празднеству в такой спешке, что портные попросту не успели сшить для него новый наряд. Пришлось наскоро перекраивать старое церемониальное платье Сюэ Линцзина. Нижнее одеяние заменили алым узорчатым шёлком с роскошной золотой каймой, а по белому верхнему халату пустили искусную вышивку, изображающую играющего на воде алого феникса. На голове новоиспечённого главы красовалась корона из красного нефрита, обут он был в сапоги цвета спелой вишни, а за кушак заткнул позолоченный веер.

На бледном лице Се Цюши сияли ясные глаза, а его тонкие, изящные черты выдавали в нём скорее изнеженного столичного щеголя или праздного повесу, нежели лидера могущественного клана бессмертных.

Даже выдавший виды Цэнь Цихэ невольно залюбовался им на миг, но тут же взял себя в руки и сухо спросил:

— Ну, и как продвигается чтение?

Се Цюши уткнулся носом в свиток с надписью «Девятнадцать способов срывания цветов». Небрежно перелистнув страницу, он закивал:

— Читаю-читаю. Ерунда полная, с первого взгляда всё понятно. Кстати, о чём там лепетал малец? Что за «преподнесение меча вместо даров»? И кто вообще такие эти монахи из Кашьяпы да выскочки из Тяньсюань?

— К северу от реки Цзинь полно буддийских затворников, и храм Кашьяпы среди них — неоспоримый столп, — набравшись терпения, принялся объяснять Цэнь Цихэ. — Ходят слухи, что настоятель Мяоинь владеет Истинным оком синего лотоса. Этот взгляд видит насквозь любую ложь и без труда распознаёт всякую нечисть. Что же касается школы Тяньсюань... Ну, в народе говорят: «На востоке — Переправа Персикового источника, на западе — резиденция Тяньсюань». Они, как и наш Улин, ведут свою родословную от великого Бессмертного владыки Улина, Янь Чичэна. Пусть наши пути в культивации разнятся, корни у нас одни. Мы ветви одного дерева. По старой традиции, во время великих торжеств наши школы могут обходиться без пустых подношений, заменяя их дружеским поединком на мечах. Это и зовётся «преподнесением меча вместо даров».

Се Цюши глубокомысленно кивнул, хотя по его лицу нельзя было сказать, что он уловил хоть слово. Всё его внимание по-прежнему занимал таинственный свиток в руках.

— Короче говоря, просто хотят набить нам морду. Расслабься, им не сладить со мной.

Цэнь Цихэ нахмурился:

— Я знаю, что ты ловок и хитёр. Но коль скоро ты назвался главой Улина, то и сражаться обязан по нашим правилам, используя наши приёмы! Или ты собрался почтенному настоятелю Мяоинь отвесить пару пинков ниже пояса? Будешь бить в пах и целиться по ягодцам, выискивая лазейки в его защите?

Се Цюши прыснул со смеху. Свиток в его пальцах чуть сдвинулся, приоткрывая внутренние листы. Цэнь Цихэ, обладавший отменным зрением заклинателя, мгновенно почуял неладное. Он резко выхватил книгу с обложкой «Девятнадцать способов срывания цветов» и развернул её.

В ту же секунду его лицо залило густой краской гнева и смущения — под благопристойной обёрткой скрывался похабный трактат «Восемнадцать поз Лунъяна» с весьма недвусмысленными иллюстрациями.

— Пощади! — притворно испугавшись, закричал Се Цюши и поспешно вскинул руки вверх. — Смилуйся, глава пика Цэнь! Не губи вещь!

Цэнь Цихэ лишился дара речи.

Он простоял неподвижно целую вечность, прежде чем заставил себя сделать глубокий, судорожный вдох.

— А ну пошли, — выдавил он сквозь зубы. — Встретишь дорогих гостей вместе со мной.

Его кулаки под широкими рукавами сжались так сильно, что ногти едва не пронзили кожу.

— Да погоди ты, не суетись, — отмахнулся Се Цюши и потянулся к непристойной книжке, перелистывая её до самого конца. — Ты лучше глянь сюда.

Цэнь Цихэ зажмурился и со злостью бросил:

— Убери эту гадость с моих глаз!

— Ладно-ладно, виноват! — Се Цюши с весёлой усмешкой выудил из-под задней обложки сложенный листок тонкой бумаги и помахал им перед носом собеседника. — Это весточка от моих верных побирушек с заднего склона горы. Только что доставили.

Лишь тогда Цэнь Цихэ открыл глаза и взял письмо. Быстро пробежав глазами строчки, он удивлённо приподнял брови:

— Люди из школы Цаншань тоже здесь? Твоя работа?

— Шутишь? — Се Цюши лениво покачал пальцем. — У нас по всему Улину до сих пор пожирающие парчу черви рыщут да тёмные духи летают, с какой стати мне звать этих стервятников к себе на порог?

— Тогда зачем они явились без приглашения? — нахмурился Цэнь Цихэ.

— Я хочу стереть их в порошок, а они мечтают проделать то же самое с нами, — Се Цюши вальяжно опустился в кресло у письменного стола и хмыкнул. — По-твоему, ради чего я затеял весь этот шумный балаган с церемонией?

До Цэнь Цихэ наконец дошло:

— Решил выманить гадюк из норы?

Се Цюши по-детски уткнулся подбородком в сложенные на столе руки и довольно замурлыкал:

— Зачем прятаться по углам, если можно разыграть карту в открытую? Пусть думают, будто держат судьбу за хвост и ведут свою игру. Нам же лучше.

Он приподнялся и, заговорщически подмигнув, прошептал несколько слов прямо на ухо ошеломлённому собеседнику.

Цэнь Цихэ округлил глаза от изумления:

— И ты намерен выйти против них в одиночку?

— Ну почему же в одиночку? У меня ведь есть ты и Цинфэн, — Се Цюши заговорщически улыбнулся. — Действуй по уговору. А я пойду потолкую с почтенным аббатом Мяоинь.

К полудню гости собрались в Палате Ритуальных Мечей на Срединном пике. Се Цюши вошёл в залу в сопровождении Цэнь Цихэ и Фу Цинфэна. Его алые одежды, расшитые золотом и украшенные россыпью драгоценных камней, ослепительно сияли в лучах полуденного солнца. Стоило новому главе занять своё место во главе стола, как вся комната словно озарилась мягким, тёплым светом — настолько ослепительна и притягательна была его красота.

По левую руку, лицом к югу, восседал самый почтенный из гостей — аббат Мяоинь. Чуть поодаль устроился глава школы Тяньсюань, господин Хуан Фэйцин. Остальные места по кругу занимали старейшины и ученики менее влиятельных орденов вроде Дяньцан и Эмэй.

Се Цюши жестом велел слугам наполнить его кубок и принялся обходить гостей, выказывая им уважение. Однако он лишь слегка наклонял запястье, пригубив немного пресного вина только перед лицом аббата Мяоинь. В остальное же время чаша его оставалась практически полной, а губы едва касались края.

Заметив это пренебрежение правилами приличия, несколько нетерпеливых молодых учеников за другими столами презрительно хмыкнули. Се Цюши даже ухом не повёл, пропустив их шпильки мимо ушей.

Хуан Фэйцин снисходительно улыбнулся:

— Молодёжь нынче пошла пылкая, дерзкая. Ходили слухи, что новый глава школы Улин — гений, каких свет не видывал. Пускай и без капли духовных сил, но сумел снискать такое расположение старого главы Сюэ, что тот оставил не у дел троих личных учеников и передал бразды правления именно ему... Что ж, сегодня я лично убедился: слухи не врут. И впрямь, выдающийся юноша.

Он дважды повторил эту колкость, сокрушённо качая головой. В его притворно ласковом, почти отцовском тоне сквозило откровенное презрение.

— Полно вам, почтеннейший, вы мне льстите, — рассмеялся в ответ Се Цюши. — Я ведь тоже наслышан о своей скромной славе в поднебесном мире. Говорят разное: мол, я то ли колдун недорезанный, то ли искусник в делах постельных. Твердят, будто я либо через постель Сюэ Линцзина к власти пролез, либо одурманил разум всей верхушки Улина. Раз уж вы считаете,

что слухи не врут, то вы мне оказываете непомерную честь!

В Палате Ритуальных Мечей мгновенно воцарилась гробовая тишина. Хуан Фэйцин явно не ожидал от юноши столь развязной наглости и полного отсутствия стыда. Его рука, державшая кубок с вином, на миг замерла в воздухе, и ему стоило немалых трудов не выплеснуть хмельное зелье наглецу прямо в лицо. Справившись с секундным замешательством, он сухо процедил:

— Глава Се любит пошутить, — и едва заметно кивнул стоявшему за его спиной ученику.

Цэнь Цихэ в панике вцепился в рукав Се Цюши, умоляя того успокоиться.

Но тот бесцеремонно вырвал ткань из чужих пальцев, сделав вид, будто ничего не заметил.

Цэнь Цихэ едва глаза наружу не выкатил от злости.

Тем временем рослый ученик из-за спины Хуан Фэйцина выступил вперёд и отвесил чинный поклон.

— Глава Се! — громко и уверенно произнёс он. — Моё имя Ван Цинцун, я принадлежу к младшему поколению школы Тяньсюань. Сегодня я имею честь представлять свой орден и желаю преподнести вам наш меч вместо праздничных даров. Прошу главу Се удостоить меня своим наставлением!

Се Цюши расплылся в дружелюбной улыбке:

— С удовольствием, отчего же нет.

И не успело последнее слово слететь с его губ, как он резким, молниеносным движением ноги под столом вмазал противнику прямо между ног. Несчастный сдавленно пискнул и кубарем покатился под лавку.

Присутствующие онемели от шока.

Цэнь Цихэ со стоном закрыл лицо ладонями и рухнул лбом на столешницу. Ища хоть какой-то поддержки, он бросил взгляд на сидевшего рядом Фу Цинфэна. Однако тот, пребывая в полнейшем беспамятстве, продолжал без устали осушать кубок за кубком. Взгляд его блуждал в пустоте, а на губах играла блаженная пьяная улыбка:

— Красав... ух... красавец какой... ик...

"Конец, — обречённо подумал Цэнь Цихэ. — Нам всем крышка"

Несчастный Ван Цинцун, позабыв о всяком благородстве и приличиях, скорчился на полу, завывая от нестерпимой боли и прижимая руки к паху.

— Дядя Хуан! — заскулил он, обращаясь к своему главе. — Он... он... он же дерётся без правил! Это подлость! Дядя Хуан, заступитесь за меня!

Лицо Хуан Фэйцина позеленело от ярости. Но прежде чем он успел разразиться гневной тирадой, сидевший доселе неподвижно аббат Мяоинь неторопливо произнёс:

— Благодетель Се. Нападать исподтишка, лишая противника возможности защититься — поступок, недостойный благородного мужа. В нём нет ни капли добродетели.

Се Цюши в мгновение ока переменился в лице, нацепив маску глубочайшего раскаяния и кротости. Он смиренно склонил голову и сложил ладони у груди:

— Ами табха. Благодетель Хуан, виноват, бес попутал. Прошу покорнейше меня простить.

От этой издевательской покорности лицо Хуан Фэйцина потемнело ещё сильнее.

— Почтенный Се, — мягко прервал его аббат Мяоинь, на губах которого играла едва заметная улыбка. — Вы не принадлежите к нашей святой обители, а потому негоже вам разбрасываться священными сутрами.

Се Цюши послушно кивнул:

— Слушаюсь и повинуюсь.

После чего резко повернулся к Хуан Фэйцину и заговорщически подмигнул:

— Почтенный глава Хуан, посудите сами: вы — глава школы, и я — глава школы. Нам положено решать вопросы один на один, без лишних посредников. Коли мы сойдёмся лицом к лицу, никто в поднебесной не посмеет упрекнуть меня в бесчестии или сказать, будто я осквернил великую традицию «преподнесения меча вместо даров». Не так ли?

Он задорно захлопал ресницами. Хуан Фэйцин смерил его ледяным, полным ненависти взглядом, затем покосился на безмолвного старого монаха и сквозь зубы процедил:

—... Твоя правда.